

Волеизъявление и целеполагание

Марк Найдорф ¹

Аннотация: В работе обсуждаются понятия цели и воли к ее достижению в живом мире. Различаются предмет и цель волеизъявления, темпоральный аспект преобразования предмета потребности в цель, а также условия индивидуального и коллективного целеполагания. Отдельно обсуждается класс «конечных» целей и их исчерпание как условие эпохальных кризисов целедостижения. Привлекаются примеры из различных исторических контекстов — от древности до наших дней.

Ключевые слова: цель, целеполагание, целедостижение, кризис целедостижения, иерархия целей, индивидуальные и коллективные целеполагания, воля, волеизъявление

*Всякое стремление имеет цель.
Аристотель. О душе, 10; 15.*

I. Технология целедостижения

Идея цели

Полное описание действия требует упоминания или подразумевает осведомленность относительно цели: для чего оно совершается, ради чего, что должно получиться? Цель определяет направленность действия. Представим себе полёт стрелы в указанную точку — в спортивную мишень, в дичь на охоте или (в иные времена) во врага. В каждом таком случае точка — самостоятельный предмет, на котором концентрируются усилия действующего, призванные этот предмет изменить. Попадание стрелы изменит предмет. И в этом цель. Военное

¹ Марк Исаакович Найдорф — канд. филос. н., доцент. Научные интересы: теория культуры, современная массовая культура, история и теория музыкальной культуры. Работал в должности доцента кафедры культурологии Одесского национального политехнического университета. Книги и статьи М. Найдорфа размещены на авторском сайте «Культуролог Марк Найдорф. Тексты» <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/>.

«цель поражена» совмещает оба действия: достижение предмета и его преобразование (обычно, в ничто).

Цели бесконечно разнообразны. Их свойства зависят от свойств пространства, в котором они определены. В физическом пространстве действия чаще всего устремлены к изменению физических тел. Социальные пространства — символические. В политическом пространстве целью могут быть, например, изменение существующих властных отношений или обретение власти, в художественном пространстве — создание образа; в шахматах — преследование короля противника, который должен быть «низложен» (поставлен мат королю) и т. д.

Вторая сторона цели состоит в том, что она — не любая, а избранная вещь (предмет или ситуация), которая подлежит изменению, ради которого совершается действие, включается соответствующий инструментарий и технология. И когда мы говорим о достигнутой цели, мы имеем в виду изменение, которого удалось достичь.

Цель, поэтому, необходимо включена в отношение с действователем еще до того, как действие началось (до «полёта стрелы»), потому что стать целью — значит стать предметом действия. И именно оно, существующее отношение, адресует избранной точке пространства интерес, намерение, устремление. Футбольные ворота фокусируют стремления играющих команд только после стартового свистка судьи. Хищник преследует жертву в качестве цели, когда голоден — таковы отношения этих двух видов животных, установленные природой. Покупатель желает приобрести то, что ему почему-то нужно (представление о цели). И это «нужно» предшествует покупке.¹

Цель, таким образом, обнаруживает еще одну особенность: она создает горизонт будущего как желаемого иного.

По сути своей будущее — это изменённое настоящее, предполагаемое изменённое состояние того, что есть в наличии — вещей или положения дел (ситуаций). Там, где цель отсутствует, где нет преобразующих действий, там настоящее длится, не трансформируясь; оно может быть «вечно длящимся настоящим».

Временная перспектива создается дистанцией между тем, что есть, и тем, что будет (станет), в результате целенаправленных усилий действующего. Так цель, понимаемая как результат приложения преобразующих усилий, связывает два горизонта времени: поскольку существующий сейчас предмет избран для трансформации, цель имеет смысл как его преобразованное существование в далеком или близком будущем. Например, целью может быть

¹ В иных случаях покупка делается спонтанно, по впечатлению. Значит, цель не вполне ясна самому покупателю, но она есть.

профессия, овладение которой сейчас только начинается, но будет полным в будущем, или заключение брака в то время, когда отношения только начинаются.

Процессы

Существует, однако, обширный класс превращений, которые не имеют ни явных, ни предполагаемых целей. Их называют процессами. Например, «вулканическая деятельность» — это процесс, фотосинтез — процесс, бывает «процесс образования ледников» и другие процессы, например процесс горения, эволюционный процесс и т. д.

Все перечисленные и другое подобные примеры относятся к природным явлениям. Само их понимание как процессов характерно для системы научных представлений, которые характерны именно и только для Нового времени. В эту эпоху Природа мыслится как универсальный саморегулируемый космос, в котором постоянно протекают разнообразные процессы-трансформации, связанные между собой так, что итог одного из них обуславливает начало другого. Научный дискурс о Природе представляет её как мир «самообразуемых» процессов.

Хрестоматийным школьным примером такой цепочки процессов служит обычно «круговорот воды в природе»: конденсация паров в облаках приуготовляет концентрацию влаги в тучах, её излияние на поверхность земли и её последующее испарение, которое обуславливает образование облаков. Ни одна из этих фаз не может быть описана как целесообразная, но каждая из них законосообразна, т. е. отвечает непреодолимым законам природы.

Такое понимание природы как самоуправляемой среды легло в основу «научной картины мира», а специфический для нее научный подход (объективность, рациональность, доказательность, эксперимент и т. д.) со временем стал образцовым для культуры Нового времени вообще. Успешный опыт изучения природного мира как арены разнообразных взаимосвязанных процессов в дальнейшем был применен к научному описанию различных процессов в человеческом мире.¹

Устройства

Любой процесс происходит в рамках законов и правил и в материале его протекания. Все вместе эти условия образуют «устройство», позволяющее процессу осуществиться. Например, зелёный лист — это природное «устройство» для протекания процесса фотосинтеза. Яйцо — «устройство» для размножения, при котором развитие эмбриона происходит вне материнского организма. Процесс образования нефти (по распространенной теории)

¹ Адам Смит (экономика), Огюст Конт (социология), Вильгельм Вундт (психология) и другие.

предполагает наличие особых геологических условий, «устройств», в которых он возможен.

В Новое время, когда утвердилось представление о человеке — творце человеческого мира, повсеместной практикой стало проектирование разнообразных устройств для искусственно заданных процессов. Чаще всего это были машины, предназначенные для предусмотренного их конструкцией превращения одного вида движения — в другой.¹

Паровая машина Уатта — первый классический пример универсального двигателя, т. е. такого, который может быть установлен везде, где он нужен — и у заводского пресса, и в конструкции паровоза. Процесс, протекающий в одной машине, обуславливает возможность других процессов, предусмотренных конструкциями машин, связанных механически с паровым двигателем. Это один из примеров того, что сконструированные человеком процессы, так же, как и природные, могут служить разным целям, то есть они сами по себе бесцельны. Даже в случае полиграфической печатной машины: процесс печатанья — не самосодержательная цель, а возможность.

Машинный («процессуальный») подход оказался — в логике Нового времени — настолько успешным, что постепенно распространился на самого человека. Например, там, где тренер-специалист обсуждает «работу рук пловца стилем брасс и ее отработку на суше», он реализует по сути своей тот же безлично технологический подход, потому что он абстрагирует действие от цели, толкует процесс универсально, как в машине — независимо от того, где и когда эта «работа рук» понадобится (допустим, спасателю на пляже или спортсмену на соревновании).

Теории процессов

Изучение самоуправляемых процессов сформировалось в особую форму знания — теоретическое знание. Создание соответствующих теорий — основная задача наук, их конституирующее свойство. Любая теория описывает процесс так, будто он существует сам по себе, по своим законам и ради себя самого: теория движения небесных тел Иоганна Кеплера, микробная теория болезней в медицине, теория относительности Альберта Эйнштейна и т. д. Это касается описания природных процессов, как и процессов в искусственных устройствах (например, при работе радиоустройств или компьютеров). Но тот же подход получил распространение в сфере гуманитарного знания.

¹ Наступивший бурный рост числа и мощи разнообразных машин привел к созданию в XIX веке «машинной цивилизации» в странах Старого и Нового света. Машинная цивилизация — это цивилизация повсеместно распространенных механических устройств, среди которых двигатели — самые универсальные и базовые носители процессов. Недаром по наименованию двигателей называют фазы машинной цивилизации — «век пара», «век электричества», «век атома».

Рассматривая общество — по аналогии с природной средой — как пространство протекания разнообразных как бы «самоинтересованных» социальных процессов, гуманитарное знание выигрывает в объективности: ученый-гуманитарий при описании общества и индивида в нем старается оставаться в позиции теоретической отвлеченности, — в их умозрачительно вневременном модусе существования, безотносительно их целей. Это может быть объективное описание устройства и функционирования налоговой системы или политического процесса, человеческой психики или процесса музеефикации и т. д.). Такое научно-объективное исследование социальных процессов — это описание своего рода специальных «устройств» (структур, институтов), которые существуют ради протекания в них соответствующих процессов. Функционально институт выборов существует потому и до тех пор, пока в нем осуществляются выборы. Институт права существует потому и так долго, пока в нем осуществляется правовой процесс.¹ Университет, армия, наука, искусство, спорт и т. д. — социальные «устройства», сконструированные так, чтобы в них протекали соответствующие процессы, Научный подход, цель которого теоретически описать социальную структуру и правила ее функционирования, оставляет в стороне интересы и цели, в которые эти процессы могут быть вовлечены.²

Абстрагирование процесса от цели — это научно-теоретическое допущение, условность, которую следует постоянно иметь в виду, чтобы не расстаться с реальностью человеческой жизни.

Воля

Процесс и его цель связывает воля — воля к (осуществлению) жизни. Без неё в социальном пространстве никакие «устройства» не начинают функционировать: ни социальные («институции»), ни технические (лопата, телефон, кондиционер воздуха, что угодно), ни природно-социальные (например, одомашненные или дрессированные животные).³ Если какое-либо из человеческих «устройств» запускается само по себе, без управляющей инициативы его пользователей, то это — род катастрофы, стихийное бедствие, которое люди стремятся как можно быстрее «взять под контроль»

¹ Как пишут теоретики права, механизм правового регулирования представляет собой не статическую совокупность правовых средств, а нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь, при помощи адекватных правовых средств. (Лановая и Правкина, 2013).

² «Теории личности в психологии — это совокупность представлений относительно «структуры, механизмов развития и функционирования человека, а также объясняющих причины его поведения», — подсказывает GoogleИИ, в духе токования личности как «устройства».

³ В природном мире целенаправленные процессы тоже запускаются волей.

(транспортный хаос, стихийная торговля, коррупция в управлении и судебной системе и т. п.).

Основа воли — жизненная (иначе, витальная) активность. Она проявляет себя как энергия существования, как дарованная всему живому способность влиять на область своего присутствия, как сила, которую организм способен прилагать ради необходимых ему перемен в своей среде и в себе самом.

Жизненная активность — это природный ресурс, не имеющий конкретного предметного приложения. «У животных поисковое поведение имеет форму внешней активности, не направленной на тот или другой конкретный наличный объект: оно выражается в гиперкинезе, в общем двигательном возбуждении, в ауторитмических реакциях и т. п. Проголодавшееся животное не остается в отсутствии пищи бездеятельным, не «ждет» пассивно ее появления; оно отвечает на воздействия раздражителей внешнего поля перебором сменяющих друг друга актов поведения» (Леонтьев, 2009: 59).

Бесцельная универсальность жизненной активности — её важнейшее адаптивное свойство. Первоначальная безадресность витальной энергии позволяет сформировать направленное действие там, где оно возможно и нужно. Причем, независимо от сложности организмов. Бактерии в растворе движутся в том направлении, где обнаруживают пищу, потому что всегда готовы двигаться в любом витально значимом направлении.

В норме кроны деревьев располагаются равномерно относительно вертикальной оси (ствола), но деревья, растущие в стесненных обстоятельствах, скажем, близко к стене дома или в тени соседних растений, приобретает несимметричную конфигурацию, которая, однако, отвечает совершенно конкретным условиям существования растения. Эта высокая степень приспособления к условиям существования возможна благодаря первоначальной всенаправленности энергии роста и готовности растения принять любую адекватную обстоятельствам форму.

Известно, что животные стремятся занять участки, обеспечивающие доступ к ресурсам, необходимым для выживания и размножения (пища, вода, укрытия и т. п.). Формирование у животного «своей» территории, зависит от конкретных ее свойств — топографии и границ, полагаемых внешними для животного обстоятельствами (соседние чужие или непригодные участки). Обустроиваясь, животное буквально «ощупывает» всё прилегающее пространство.

Исходная всенаправленность жизненной энергии — основополагающая стратегия организмов для приспособления их к конкретной конфигурации окружающей среды.

Точно так же всенаправлены инстинкты животных и человека — голод, страх, сексуальное влечение и т. п. Сами по себе они лишь энергетический

ресурс, побуждающий к действиям. Разумеется, энергетический ресурс исключительно важен, но как универсальная основа. А его конкретно-деятельное проявление зависит от обстоятельств. И тут важна именно «открытость» инстинкта к шансам, которые невозможно предвидеть.

Голод способен поднять животное на ноги, способен придать поискам более или менее страстный характер, но в нем нет никаких элементов, чтобы направить движение в ту или другую сторону и видоизменять его сообразно требованиям местности и случайностям встреч. (Сеченов, 1952: 55)

Витальная энергия, выраженная в форме конкретно-деятельного «хотения» — это и есть воля. В африканской саванне имеются огромные национальные парки, где живут дикие животные. На многочисленных рекламных и научно-популярных видео можно наблюдать перемещения в открытых пространствах больших групп этих зверей. Но не нужно думать, что они перемещаются по саванне «куда глаза глядят». Животные отлично знают топографию местности и перемещаются к определенным местам кормления или водопоям. То есть, ведет их уже не инстинкт сам по себе, а инстинкт, организованный знанием того, куда следует идти. И в этом — очевидное проявление воли. И «хитрость» крокодила, который скрытно под водой приближается к жертве, прежде чем совершить смертельный ее захват — это выражение его воли, т. е., энергии, организованный генетически унаследованным навыком охоты.

Там, где инстинкт конкретизируется целью, их связывает воля, основная функция которой состоит в активировании соответствующих «устройств» и процессов. Устройства, которыми располагают животные — это природные инструменты, прежде всего это собственное тело животного.

В определенных ситуациях у животных и у человека можно наблюдать «дефицит» наличных инструментов. Он выражается всплесками неорганизованной витальной энергии. Например, когда собака встречает хозяина после разлуки, она очевидно радуется, но у животного нет генетической программы для данного случая, и поведение собаки получается интенсивным, но хаотичным. Совсем не так — организовано и настойчиво — собака реагирует на угрозу себе и своей территории.

Истоки хотения

Человеческая жизнь разворачивается в мире теми же двумя основными стратегиями, как и всё живое: всенаправленной жизненной энергией и целенаправленной волей.

Наблюдая детей, легко увидеть, как они непрерывно «ощупывают» доступное им пространство всеми наличными средствами — органами чувств, «пробными» поступками и через коммуникацию, которую они пытаются установить со всеми, с кем получится, включая компьютер и кошку. По мере

взросления, человек выстраивает более объемный образ пространства, в котором он знает себя. В нем поисковая «ощупывающая» деятельность не завершается никогда. Достаточно вспомнить потребность в новостях, которая не имеет конечного оправдания иного, кроме потребности постоянно ощущать себя в общечеловеческом пространстве (которое в XX веке стали называть культурой), уточняя постоянно его устройство и своё место в нём.

Но быть живым в мире — это деятельно взаимодействовать с ним. Младенец, потянувшийся к игрушке, это уже волеосный действующий субъект, руководимый своей потребностью изменить положение игрушки в своём мире, присвоить ее.

Действуя в окружающей его человеческой среде, человек реализует, т. е. делает фактическим, своё отношение с миром и его элементами. Совершающий покупку человек вступает в обладание предметом, с которым у него было отношение «нехватки». Наоборот, выбрасывая что-то, человек разрывает отношения с вещью, присутствие которой его беспокоит. Делают открытия те, кто считает, что без их открытия мир не полон. Затеять войну — это, возможно, самый вульгарный способ «улучшить» мир — в соответствии со своими представлениями об этом.

Источник хотения — потребность, нашедшая свой предмет, и запускающая процесс преобразования его в своих интересах. Осмысление проявившегося уже желания обычно состоит в вольном или невольном обосновании цели («что я хочу»), но по сути своей хотение — это акт произвола, а его осуществление — это вмешательство человека в мир.

Процедура вмешательства — это, по сути своей, и есть деятельность в мире (или взаимо-деятельность с миром и его элементами).

Целеполагание

Однажды на дорожке, по которой вы проходите каждый день, появился камень. Три дня вы легко обходите его, не обращаете внимания. На четвертый день внезапно решаете, что камень нужно удалить, и тогда камень становится предметом вашего действия, а целью — его удаление. Так проявила себя ваша воля.

Воля — это форма, которую принимает жизненная энергия, конфигурированная конкретными обстоятельствами, которые индивид (или группа) находит необходимым изменить: голод — едой, страх — агрессией, холод — укрытием и одеждой, препятствие — разрушением его, проигрыш — новой ставкой, скуку — развлечением, неосведомленность — обучением и т. д. Психологически воля — это хотение, практически — целеполагание.

Воля инициирует процесс, способный привести к необходимым изменениям. Предмет и направление его изменений — это цель, которая определена волей, но достигается она не волей, а целенаправленным

действием. Причем, решающая роль воли получает признание в том факте, что автором действия признается субъект волеизъявления.¹

Не существует бесцельной воли, воля всегда целеориентирована. Взятая как объект наблюдения, она обнаруживает намерения субъекта (группы), авторство, которое совмещено с ответственностью.

Сила воли — это не сила процесса, это — решимость к целеуказанию в противоречивых обстоятельствах.² Сила указанного волей действия зависит от свойств иницируемого устройства, в котором заключен процесс. Управление обычным автомобилем с двигателем 100–200 л.с. не требует у современного водителя большой силы воли. А вот решиться на то, чтобы отказать человеку в его просьбе или не сообщить что-то для него важное, иной раз требует больших усилий воли.

Еще раз: воля возникает в ответ на «нехватку» желательного (правильного) положения дел и иницирует его исправление. Следовательно, содержание воли, целеполагание, определяется оценкой своей ситуации со стороны субъекта волеизъявления. И в этом проблема.

II. Управление волеизъявлением

Субъект волеизъявления

Итак, воля — это жизненная энергия, сосредоточенная на предмете и иницирующая процесс его целенаправленного изменения. Тот, чья воля присутствует в данном действии, является субъектом действия. Воля субъекта порождается его потребностью, при условии, что субъект знает, какой предмет он желает преобразовать так, чтобы потребность его была удовлетворена. Любое действие имеет субъекта воли, и к любому действию можно поставить вопрос, чьё это действие?

Всё вместе — субъект, предмет, цель, процесс — на время действия образуют системное единство, которое называют ситуацией. Можно сказать, что роль субъекта состоит в том, чтобы «собрать» ситуацию из необходимых элементов. Ситуация распадется тогда, когда процесс достигнет финала, цель будет достигнута, потребность удовлетворена.

В простейших случаях, когда субъект относительно изолирован, эта схема легко прослеживается на практике. Допустим, некто Анна желает сварить варенье. Тот факт, что в этом случае реализуется ее желание, делает Анну субъектом. Анна запускает процесс подготовки и варки плодов с целью

¹ Выражения, типа «мой мозг отказывается верить/принимать информацию/понять усвоить текст» и т. п., конструируют виртуального субъекта воли.

² Психолог А. Н. Леонтьев разобрал этот вопрос в лекции «Воля» (Леонтьев, 1999: 5–15).

преобразовать сырые плоды (предмет действия) в определенным образом варёные. Когда варенье будет готово, Анна выключит плиту, помоем посуду и уберёт варенье в шкаф. Ситуация, в которой эти, сами по себе отдельные элементы (плита, казан, плоды, сосуды для хранения варенья и проч.), были связаны волей Анны в целостную систему, после варки распадется.

Все люди непрерывно действуют — такова природа вещей, а некоторые присутствуют друг для друга, находясь в неустрашимых связях между собой. Поэтому получить «чистую» изолированную модель действия можно далеко не всегда. И это прежде всего сказывается на вопросе о том, «чьё это действие?». Например, в определении виновного. Еще в Древности мудрецы дискутировали, кто украл: раб или рабовладелец, приказавший ему своровать? В развернутом здесь понимании, виновен тот, чья воля запустила процесс воровства (так сказать, «смены собственника» вещи).

Включение других (многих) людей в чье-то действие может иметь место во всех элементах ситуации — группа людей может быть предметом действия (аудитория лекции, зрители киносеанса, покупатели нового товара) или может составлять «устройство», обеспечивающее процесс (команда игроков, прохожие, свидетельствующие об инциденте, бригада строительных рабочих и т. п.). Все участники — неизбежно, по природе вещей, всегда — одновременно с общим, строят и свои собственные процессы, отвечающие их потребностям. Поэтому, для различения субъектности приходится строго придерживаться принципа, чье действие рассматривается. Рабочий на стройке делает то, что считает нужным, но стройку ведет «производитель работ», который организует и контролирует строительные работы на объекте так, чтобы рабочий посчитал нужным делать, что, что нужно производителю работ.

О совпадении воли

Спонтанное, эмоциональное, непредумышленное волеизъявление по своему содержанию вполне может быть при этом банальным. Потребности, условия возникновения и цели, ради которых субъект инициирует действие, могут бесконечно повторяться. Бывает, что человек остро желает купить то, что видел у других, посмотреть то, что смотрели другие, съездить туда, где побывали другие и т. д., бывает, что хочет повторить им самим сделанное.

Совпадение воли — обычное дело. Там, где есть общность представлений, например, там, где люди признают своим долгом поддерживать чистой среду своего обитания, там и волеизъявления разных субъектов направляются общим для всех представлением. Кстати, такое же совпадение воли может возникнуть под влиянием служебной инструкции, которую создают именно и только для унификации волеизъявлений сотрудников. Или в тех случаях, когда возможности действовать однотипны или вообще одинаковы. Так образуются, например, множества — болельщиков на стадионе, покупателей — в супермаркете, отдыхающих — на пляже.

У всех народов воспроизводство целеполаганий было и остается основным там, где умения и соответствующие им знания передаются по традиции, в совместном труде учителя и ученика. Мы называем этот путь трансляции навыков «обучением при соучастии»; например, в рамках семьи.

Основным воспитательным институтом, механизмом социальной преемственности, уподобления входящих в жизнь поколений старшим выступает в традиционной культуре семья, обеспечивающая длительный неформальный контакт поколений, в котором младшие осваивают навыки старших, перенимают по наследству, без учебников, уроков, расписаний, распределений семейные права и обязанности. (Петров, 1987: 106)

Так, из рук в руки, передаётся ремесло. В Древности и Средневековье, до самого Нового времени, ремесло — это не профессия, а целостный образ жизни, включающий и необходимые целеполагания.

Средневековые ремесленники объединялись в цехи, они должны были подчиняться жестким требованиям устава и строить всю свою жизнь в соответствии с ним. Цех не представлял собой производственной организации, ибо каждый мастер трудился в собственной мастерской, но цех задавал определенные нормы как трудовой деятельности, так и всех других сторон социального поведения своих собратьев. (Гуревич, 2015: 156)

«Жесткое требование устава» означает практически отсутствие пространства для спонтанного волеизъявления индивида. Здесь господствует коллективный субъект, не склонный менять направление своей воли.

Позже, в Новое время, старый — синтетический, ремесленный — способ присвоения умений перестал быть единственным. В рыночном обществе умение — это ресурс, не связанный с особенностями образа жизни. Утвердилось представление об умении самом по себе. Сейчас для трансляции «практических» умений и знаний, существуют курсы, тренинги, семинары, мастер-классы. Где и как будут применены полученные навыки, к какой цели будет направлено приобретенное «устройство», в нём самом не закреплено. Целеполагание индивида зависит от комбинации обстоятельств, и полученный навык — лишь одно среди других.

Проникновение самостоятельного спонтанного волеизъявления в ткань традиционно коллективистского средневекового общества — важнейшая особенность эпохи Возрождения. Ранний Ренессанс был опьянён достижениями самобытных индивидов в новых областях деятельности (торговля, мореплавание, финансы). Особенно впечатляющим оказалось освобождение целеполагания от его ремесленной предопределенности в новой тогда сфере искусства (живопись, ваяние и зодчество).

Но Поздний Ренессанс превратился в арену политического и военного своеволия, где необузданность одного властителя упиралось лишь в прихоть и упрямство другого. Более ста лет в Европе XVI–XVII вв. шли завершившие эпоху войны, которые принесли неисчислимые бедствия (голод, гибель, унижение моральных и уничтожение материальных ценностей); они покончили с остатками средневековых представлений и настоятельно воззвали к конструированию новой организации жизни, способной обуздать своеволие сильных.

В ответ на этот вызов в постренессансной Европе сложилась форма абсолютистского государства (абсолютная монархия), в котором власть осуществляется монархом и группой придворных аристократов, объединённых в своего рода управляющую клановую корпорацию (придворное светское общество, «свет»). Принадлежность к этой корпорации предполагала строгие правила участия: целеполагания в повседневной жизни, в публичном поведении и стиле общения определялись требованиями этикета и рангом каждого, а ключевые (судьбоносные) ситуации в нем регулировались представлениями о долге и чести.

Долг чести

Вытеснение ренессансного своеволия было тогда общей сословной задачей придворного круга. Но смена культурной парадигмы имела и индивидуально-антропологический аспект. Спонтанное, эмоциональное, непредумышленное волеизъявление могло дорого обойтись аристократу. Дворянин, уклонившийся по душевному влечению от поступка, предписанного долгом, рисковал утратой чести, которая состояла в его принадлежности по праву рождения к придворному обществу.¹ Это мотивировало в крайних случаях решение погибнуть, чтобы не впасть в бесчестие. Если особые, отличительные для придворных, правила поведения культивировались и передавались по традиции (этикет осваивался с детства «обучением при соучастии»), то представление о долге чести, который касался исключительных жизненных положений, получило назидательную демонстрацию средствами искусства.

Пьеса Пьера Корнеля «Сид» (1636) — одно из классических произведений, созданных для просвещения придворной публики путем предъявления ряда ей тщательно сконструированных предельных ситуаций (сейчас сказали бы «кейсов») — пример надлежащего волеизъявления во имя исполнения долга чести. Вот пример.

Два молодых рыцаря безупречной репутации изъявляют желание «руки и сердца» девушки их круга, по имени Химена, которая безусловно предпочитает

¹ ««Честь» и «слава» ... являются атрибутом определенной социальной категории в определенном социальном контексте и противостоят их отсутствию у других социальных групп» (Лотман, 2005: 111).

одного из них. В ответ она обращается не к возлюбленному, а к своему отцу, высокопоставленному придворному, поскольку процесс, который должен привести к ее замужеству, находится целиком в его руках. Для его выбора она сообщает об обоих предложениях, не указывая своего предпочтения. Принимая дело, отец Химены одобряет ее поступок как отвечающий требованию долга: «Она блюдет свой долг, ее достойны оба». Суть долга здесь состоит в правильно направленном волеизъявлении. Кейс демонстрирует обращение воли индивида к общественному институту (отец здесь — представитель института придворной корпорации) как носителю коллективного волеизъявления.

Следующий кейс в пьесе сюжетно связан с первым.¹ Подруга Химены, (инфанта, дочь короля) влюблена в того же рыцаря, но она не может позволить себе естественное влечение без ущерба для чести. Ленор, воспитательница инфанты, говорит ей:

— Принцесса может ли, забыв свой сан и кровь,
К простому рыцарю восчувствовать любовь?
А мненье короля? А всей Кастильи мненье?
Вы помните иль нет свое происхождение?
Инфанта.
Я помню — и скорей всю кровь пролью из ран,
Чем соглашусь забыть и запятнать мой сан.

В этом втором кейсе обнажена опять суть долга чести, которая состоит в требовании к аристократу уметь блокировать естественное волеизъявление — в духе самоотверженной преданности институционально-символическому пространству придворного общества.

То, что на стадии оформления придворной этики авторитет долга был предметом особой общественной заботы, подчеркивает многократное обращение к этой теме. Трагедия Жана Расина «Федра» (1677) высвечивает ту же проблему. Иногда ее описывают как борьбу разума и чувства в душе персонажа. Точнее, однако, заметить, что в этой этической системе нет борьбы «сторон»: естественное «саморождённое» чувство (тут чувство любви) изначально приговорено к преодолению. Любым способом. Даже ценой смерти.

Федра в монологе из I действия говорит о своём отношении к себе из-за чувства непопозволенной любви:

... В крови пылал не жар, но пламень ядовитый, —
Вся ярость впившейся в добычу Афродиты.
Какой преступницей, каким исчадьем зла
Я стала для себя самой! Я прокляла

¹ Корнель блестяще связывает все кейсы в один драматургический узел, создавая тем самым образ придворно-аристократического круга людей, тесно связанных родственно и биографически.

И страсть, и жизнь свою. Я знала: лишь могила
Скрыть может мой позор; я умереть решила.

Божественная Природа

Век спустя после французской «Федры» Расина, в Германии, в 1774 году, появился роман И.-В. Гёте «Страдания юного Вертера». В центре его сюжета находим, как кажется, тот же самый случай — неуместную любовь и как следствие её — самоубийство. Но времена изменились, и события романа происходят в совершенно другом смысловом поле.

Всё выглядит как инверсия классицистской схемы. Герой — мужчина, человек более независимый, чем женщина. Его «спонтанное, эмоциональное, непредумышленное» волеизъявление (любовное чувство) в духе его времени приветствуется как естественное проявление жизненной потребности, которая в эту эпоху уже не скована долгом придворного аристократа. Вертер одинок и совершенно свободен от корпоративных моральных ограничений, его целеполагание не направляется социальными обстоятельствами. В его любовном влечении выражает себя сама Природа, а она — по убеждению Вертера — всегда права, ибо она своими путями творит жизнь. Но именно это твердое и непреложное убеждение в естественном основании своего любовного чувства, приводит Вертера к смерти: женщина, в которую он влюблен, замужем, и метафизическая правота Вертера упирается в неоспоримую житейскую реальность. Фактически, Вертер гибнет «за идею» обожествлённой Природы, которая, как он верит, диктуя своё, не может ошибаться, тогда как жизнь, эта чистая акциденция, сложилась неверно.

Стихия любви

Культура Нового времени сначала основывалась на представлении о порядке, который присущ Природе и представлен человеческим Разумом. Это был основной аргумент в пользу стабильности социальной среды, которой желали все слои постренессансного общества Европы. Считалось, что государственные устройства, представляющие собой в некоторых отношениях целостный организм, могут достичь совершенства, если последуют примеру, который дан человеку в образе законосообразной мировой гармонии. Но на рубеже XIX в. к опыту европейцев прибавились испытания, пережитые в ходе Великой французской революции и двух десятилетий наполеоновских войн (до 1815 года). И этот опыт открыл другую сторону «природности», которая выглядела теперь как стихия непрерывного изменения — крушения и обновления.

В антропологическом аспекте, в применении к человеку, это новое представление заместило долг (как человеческое воплощение порядка) — самозарождёнными чувствами, эмоциональными состояниями, которые теперь ценились сами по себе как выражение подлинной природы человека. «Иные непреклонные философы осуждают все чувства и желают, чтобы

нравственность правила миром только через посредство обязанностей, — ничто, однако, так не чуждо природе человеческой», — писала Жермена де Сталь (Сталь, 1989: 52).

Способность индивида, действующего от собственного имени, персонифицировать своими чувствами достоинство изменчивой и творящей природы, нашла своё воплощение в художественном творчестве и в общественном представлении — в образе, наиболее специфическом для эпохи, в образе романтической любви.

Ситуация сложилась крайне противоречивой. В первые десятилетия XIX века повседневность в странах Западной Европы становилась всё более рациональной (в житейском смысле этого слова) и, можно сказать, всё более калькулируемой. Новый стиль жизни формировался самим развитием капиталистических отношений¹ — в финансах, промышленности, в сельском хозяйстве. Эти новые отношения требовали принудительной упорядоченности, всё большей регламентации обязательств и их исполнения, трезвой оценки условий деятельности. Имперсональность капитализма шокировала многих. И началось романтическое бегство от действительности — тех, кто мог, и так, как мог себе это позволить: одни пускались в путешествия в экзотические страны, другие предавались, тоже экзотическим, мечтаниям.

Часто, когда я хочу вздохнуть свободней,
Вдали от черного дыма, выделяемого печью
Цивилизации;
Когда сердце мое, усталое от бесполезной людской суеты,
Чувствует, что ему нужна была бы далекая от наших мест
Почва иной страны.

Это говорит Луи Мегрон в книге «Романтизм и нравы» (Мегрон, 2019: 30), и замечает, что «ничто в период между 1830 и 1845 годами не было чаще этой склонности к экзотизму во времени и пространстве, - потому что одно время не было литературной темы, которая разрабатывалась бы охотней».

Вот тут и выдвинулась на первый план романтическая любовь — отношения нового типа: основанные на естественной потребности, частные, не регламентированные социально, как это было в «старорежимные» (Ancien Régime) времена, внеинституциональные и эмоционально насыщенные, поскольку только взаимное влечение могло длить их существование.

В эту эпоху «бегства от реальности» сексуальность впервые получила признание свободного выражения человеческих желаний, субъективного волеизъявления, оперирующего самыми разнообразными инструментами побуждения чувств. «Эпоха экзотизма» стала первой эпохой массового соблазна

¹ Имеется в виду массовый переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, произошедший в ведущих государствах мира в 1760-е – 1840-е годы.

чтением, способным вовлечь в переживания открытой и дозволительной сексуальной любви: «литературный роман придаёт соблазнительную понятность телесным удовольствиям; но, возможно, он также предлагает своим читателям ожидать, что тело подтвердит вымыслы разума», — замечает Лео Берсани, имея в виду наивные читательские заблуждения этой поры (Bersani, 1974: 22).

Гюстав Флобер в романе «Мадам Бовари» реконструировал образ жизни обычной женщины нового тогда «среднего класса», сформированной вихрем новых литературных образов. Читанные ею в юности книги были посвящены любви, полны любовных интриг, влюблённых, любовниц, преследуемых дам, лошадей, загнанных на каждой странице, тёмных лесов, трепещущих сердец, клятв, рыданий, слёз и поцелуев и т.д.

Флобер даёт нам список основных знаков, используемых в популярной романтической литературе; и референтом всех этих знаков является любовь. (Bersani, 1974: 18)

Полнота и нескончаемость любовного чувства, по представлениям Эммы, предполагала удаление от того, что есть — к тому, что ей грезилось. «Порой ей приходило в голову, что ведь это же лучшие дни ее жизни, так называемый медовый месяц. Но, чтобы почувствовать их сладость, надо, очевидно, удалиться в края, носящие звучные названия, в края, где первые послесвадебные дни бывают полны такой чарующей неги!», — читаем у Флобера. — «Эмма думала, что есть такие места на земле, где счастье хорошо родится, — так иным растениям нужна особая почва, а на любой другой они принимаются с трудом».

Как знают читатели романа, попытки бегства к осуществлению любовных грёз обошлись Эмме расходами, равными финансовому краху семьи, и, в итоге, к её самоубийству.

Бесцельность и скука

На протяжении приблизительно полувека (ок. 1790–1840), когда само по себе переживание чувств высоко ценилось как непосредственное выражение индивидуальности, всеобщее внимание привлекла скука — чувство тоже индивидуальное, но, быть может, самое странное, потому что оно принципиально бесцельное.

Обычно потребности и чувства (эмоции)¹ связаны через цель. Там, где цель достижима или кажется достижимой, там рождаются «положительные»

¹ «Наиболее четкое разделение эмоций и чувств дано А. Н. Леонтьевым. Он отмечает, что эмоция имеет ситуативный характер, т. е. выражает оценочное отношение к наличной или возможной в будущем ситуации, а также к своей деятельности в ситуации. Чувство же носит отчетливо выраженный «предметный» (объектный) характер. Чувство — это устойчивое

эмоции. А там, где цель оказывается или кажется недостижимой, там потребности не находят удовлетворения, и эмоции, возникающие в такой ситуации, переживаются как «негативные».

Но бывает так, что потребность уже существует, но она больше не находит своего целевого предмета. И тогда происходит фрустрация той потребности, присутствие которой создает напряжение. В этом случае вместо того, чтобы, как обычно, прилагать усилия для достижения цели, субъект прилагает усилия, чтобы вытеснить мешающую потребность, разрушить желание, перестать хотеть невозможного.

В этом случае цель субъекта находится в нем самом, а мотивирующая её потребность вырождается, проходя ряд стадий — от досады, обиды, отчаяния до злости и апатии. Апатия в отношении самого себя — это уже предпосылка, условие скуки, тогда как само чувство скуки — это переживание закрытого горизонта целей. Скучающий человек не знает, чего и зачем ему в его положении хотеть, он утрачивает смысловую связь с миром, он скучает.

Исторически — это поздняя и редкая, даже исключительная, ситуация. Тысячелетиями на протяжении истории утрата смысловой связи с миром могла постичь разве что отшельника или человека, надолго помещенного в заключение. В норме социальные связи (семейные, общинные, религиозные, цеховые и т. п.) настоятельно и неустранимо диктовали индивиду что и почему он должен хотеть. Коллективная субъектность не оставляла места индивидуальному целеполаганию.

Освободившийся от традиционных корпоративных связей индивид Нового времени оказался предоставлен самому себе в главных вопросах: относительно намерений и целеполаганий. Уединившись, он не находил «в себе» ничего, кроме оснований для эгоизма, а вне себя находил культивированные литературой фантазии, мечты, грёзы.

Если бы Эмма Бовари приняла на себя управление унаследованной фермой, ей не пришлось бы скучать.¹ Но она, выйдя замуж, переехала в город. А

эмоциональное отношение. Существенно и замечание А. Н. Леонтьева, что эмоции и чувства могут не совпадать и даже противоречить друг другу (например, глубоко любимый человек может в определенной ситуации вызвать преходящую эмоцию неудовольствия, даже гнева)» (Ильин, 2001, 286).

¹ В романе Пушкина «Евгений Онегин» о матери Татьяны читаем:
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.

там среди распространенных женских занятий (кормилица, горничная, портниха, трактирщица и прочие подобные) не нашлось такого, которое отвечало бы её принадлежности к новому буржуазному «среднему классу». Ситуация была практически неразрешимой, и она переживалась Эммой как мучительная и безнадежная скука:

Другие тоже скучно живут, но все-таки у них есть хоть какая-нибудь надежда на перемену. Иной раз какое-нибудь неожиданное происшествие влечет за собой бесконечные перипетии, и декорация меняется. Но с нею ничего не может случиться — так, видно, судил ей бог! Будущее представлялось ей темным коридором, упирающимся в наглухо запертую дверь.
(Флобер, I: IX)

Флобер исследует в романе обстоятельства, причинившие героине этот род страданий, и ее попытки избежать судьбы, которые привели к катастрофе.

Скука стала общественной проблемой только в эпоху акцентированного индивидуализма (эпоха романтизма). Со временем, надо заметить, европейский человек XIX века нашел смысло-жизненные основания в своей принадлежности к «воображаемым сообществам» — государству, нации, классу — и их институтам. Так что мечтательность и скука бесцельности оказались характерными переживаниями образованных людей романтической эпохи.

Высшие цели

Обосновать выбор цели, объяснить хотение не так уж сложно, если сослаться на неудовлетворительность текущего положения дел. Например, человек берет дополнительную работу с целью улучшить своё материальное положение. Шахматист жертвует фигуру, чтобы (т. е., опять-таки с целью) получить позиционный перевес. Ученые проводят серию лабораторных экспериментов, допустим, с целью выявить основные факторы изучаемого процесса.

В других случаях возникает цепочка субцелей, имеющих оправдание одна в другой. Так бывает, когда достижение важной цели предполагает создание необходимых условий: мы хотим изменить что-то, чтобы получить возможность изменить что-то и т. д. Некто эмигрирует, чтобы в другой стране получать более справедливую плату за свой труд, чтобы заработать достаточно денег для покупки дома, чтобы создать семью, чтобы обеспечить себе и близким комфортабельную жизнь, чтобы прожить ее долго и счастливо. Цель тут отдалена, но всё время «светит», направляя усилия изменить обстоятельства нужным образом.

Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она.

Уже для Аристотеля был очевидным риск уйти, рассуждая о последовательности целей, в бессмысленную бесконечность; и он выдвигал идею «высшего блага», как замыкающую на себе все промежуточные цели. Вот это известное место из его «Никомаховой этики»:

(II). «Если же у того, что мы делаем (ta prakta), существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее, <> то ясно, что цель эта есть собственно благо (tagathon), т. е. наивысшее благо (to ariston).

Однако, указывая на благо как «то, к чему все стремится», Аристотель вполне справедливо не обозначил здесь его содержание.

В Древней Греции общий интерес и предмет устремлений граждан заключался в благополучии их полиса. В Древнем Египте общая цель, «желанная сама по себе», состояла в восстановлении первоначальной полноты смысла творения, называемого Маат: «все силы египтян были направлены на то, чтобы «обрести изначальную полноту смысла и воплотить ее в действие... Практически все население Египта так или иначе вносило свой вклад в общее дело претворения Маат в действительность».¹

Но даже самая дальняя цель, она, разумеется, тоже цель — представление о предмете, каким он должен стать после его деятельного преобразования в форму, способную удовлетворить потребность человека или коллектива людей. В том случае, когда дело идет о желанной общей цели, которая не может быть достигнута одним единственным, даже коллективным, действием, общая цель направляет и координирует множество индивидуальных усилий в течение продолжительного времени.

Цели такого предельного класса иногда называют «идеями». А время жизни в период господства в умах людей, носителей той или иной генеральной идеи-цели, называют культурно-исторической эпохой (Древность, Античность, Средневековье и т. д.). Мобилизующую силу таких идей выразил Хосе Ортега-и-Гассет категоричным: «Можно сказать, что это не идеи, которые мы имеем, а идеи, которые есть мы».²

«Империя и папство вырастают из одного корня, из идеи религиозно-общественного единства всего мира, Града Божьего», — писал об осевой идее

¹ «Слово Маат (женского рода) передает идею разумного порядка, управляющего всем и охватывающего мир людей, вещей, природы и космических явлений, или, говоря иными словами, идею смысла творения, той формы, которую оно должно было обрести по мысли Бога-Творца» (Ассман, 1999: 19–20).

² «Эти идеи, в действительности являющиеся «верованиями», конституируют целое нашей жизни и потому не характеризуют отдельные наличные моменты внутри неё». «Однако нет такой человеческой жизни, в основе которой не лежали бы некие фундаментальные верования и которая не опиралась бы на них» (Ортега-и-Гассет, 2000: 405).

средневековой культуры Лев Карсавин. — «Эта идея воспринимается неотчетливо и смутно, и все попытки конкретизировать ее неизбежно ведут к ее упрощению и ограничению, к разладу между неясно опознаваемой идеей и строяемым или осуществляемым идеалом. Указываемый разлад лежит в основе всей средневековой жизни и обнаруживается с полной ясностью к XIII в. во всех сферах ее: не только во внутренних и внешних противоречиях имперской и папской теории, но и в богословии, и в морали, и в религиозности, и в культуре» (Карсавин, 1995: 136).

Основную идею Нового времени, возможно, следует обозначить как «природосообразность человека», применяющего разум ради достижения дальней (или высшей) цели — «истинного счастья». Классики Просвещения пишут о счастье как цели, поставленной человеку природой. Кант полагал:

Поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы. Совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода. (Кант, 1966: 8, 13)

А Дидро утверждал:

Высшим устремлением человеческого благоразумия является любовь к себе, понимание своих интересов и познание своего счастья. (Дидро, 1986: 76)¹

Еще одна характерная для Нового времени идея — это идея прогресса.² Согласно ей, жизнь человечества совершенствуется, проходит через этапы, приближающие его к достижению высших целей. Один из основателей идеи исторического прогресса Жан Антуан Кондорсе писал:

Картина прогресса человечества должна показать в видоизменениях человеческого рода, в непрерывном его обновлении в бесконечности веков путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. (Кондорсе, 1936: 5)

¹ «Принципы нравственной философии, или Опыт о достоинстве и добродетели, написанный милордом Ш***» (1745) — это выполненный Дени Дидро вольный перевод работы британца Энтони Эшли-Купера «Опыт о достоинстве и добродетели» (1699). Стремление к счастью — идея, которая в эпоху Просвещения мыслилась фундаментальной по обе стороны Ламанша.

² Подробнее об идее прогресса (в ЖЖ URL :<https://frodian.livejournal.com/177227.html>). Это фрагмент из книги: Найдорф, М. *Мир представлений* (Найдорф, 2023).

Каждая из этих идей, коллективно принятая и поддержанная множеством людей в цепи поколений, стимулировала потребности, цели и способы их достижения, типичные для одной эпохи и маловероятные — в другой.

Общие идеи последних приблизительно двух веков — это, по преимуществу, принципы для обоснования институций, способных сплотить большие массы людей. В их числе идея империи, идея нации и национального государства, коммунистическая идея — каждая в качестве общей сверхцели. В их поле соответствующие субцели получали оправдание возвышенных, благородных, героических.¹

«Общее благо» как общая цель

«Общее благо» по-современному можно выразить словами «общественное благополучие».² В качестве цели оно достигается тем или иным, наилучшим в данных условиях, порядком связей между людьми, которые вместе составляют это общество, считая его своим. «Порядок» означает здесь представление о правильном соединении множества жизней в стройное целое. Но, так как связи между людьми переменчивы, удержание нужного социального порядка — это постоянно воспроизводимая общая цель, «желанная сама по себе» (Аристотель), специфическая для своего времени, хотя нередко осознаваемая «неотчетливо и смутно» (Карсавин). Гораздо лучше осознаются задействованные ради нее инструменты (институты и практики), фактичностью своей привлекающие внимание современников и исследователей.

Например, относительно древнегреческих государств историками определены типичные для них установления: формы общинного самоуправления, условия гражданства, собственности, военной службы, политических прав, межполисных отношений и т.д. Практиковавшийся там социальный инструментарий свидетельствует, что «каждая гражданская городская община конституировалась как независимая, автономная единица, как суверенное государство с характерным республиканским устройством, очевидно, лучше всего отвечавшим общинному, коллективистическому принципу полисной организации» (Фролов, 2001: 13).

¹ Например, там, где «нация превыше всего», там возникают множественные потребности утверждения нации. И, хотя, ни один из поступков в отдельности не в состоянии возвысить нацию в достаточной мере, каждый из них приветствуется как шаг в правильном направлении. Тогда как устремления, которые не отвечают принятому общему направлению целеполагания, подвергаются осуждению как обыденные, жалкие, низменные, или даже преступные.

² Общее благо — это понятие, относящееся к благополучию или интересам всего сообщества или общества в целом, в отличие от интересов отдельных индивидов или групп. Обычно оно выражает представление о гармоничном сосуществовании всех или большинства членов общества.

Этот фактический инструментальный, можно сказать даже, технический, анализ должен быть дополнен реконструкцией коллективного целеполагания — общего устремления к желанному социальному пространству, идеальный образ которого жил «в душах и убеждениях граждан, в их мифологии, в общенародных театральных и спортивных празднествах», писал Георгий Кнабе. И далее продолжал:

Идеал полисного общежития с его нормами героизма, гармоничности развития, гражданской солидарности, консервативной морали и спокойного подчинения личности целому оказывается транспонированным в особую сферу мифологизированного бытия. Она активно воздействует на человеческую практику, утверждает в ней свои нормы, но никогда этой практикой не исчерпывается. (Кнабе, 2006: 220)

В разные эпохи общее целеполагание, идеальный (умозрительный) образ должного порядка мог быть представлен разными «носителями»: мифами или религиозными учениями, или трактатами, теориями, идеологиями; но его присутствие обязательно в любой самоорганизующейся социальной среде. Например, иерархически выстроенное социальное пространство времен Высокого Средневековья заимствовало свою легитимность и вдохновлялась религиозными представлениями о строго упорядоченном надмирном (божественном) пространстве.¹

Средневековое общество мыслило себя в универсальной для этой эпохи религиозной категории верности, на которую как бы нанизывались основные социальные связи. Институционально («технически») это представление воплотилось в повсеместном распространении вассально-сеньюральных отношений, основанных на личном служении, скрепленном земельным держанием (феодом).² Поскольку сеньоры, в свою очередь, вступали в вассальное служение к другим, еще более могущественным властителям, развитие вассалитета приводило к образованию социального пространства в виде иерархической лестницы, вершиной которой был король.

¹ «Идеей, интегрировавшей творение в единое, связанное целое, выступала уходящая своими корнями к Пифагору и Платону (в таком виде она дожила до XVIII в.) доктрина, известная под названием «великая цепь бытия» (Барг, 1987, 118).

² Держание — не собственность в современном смысле слова, предполагающая право пользования, владения и распоряжения. Феодальное держание — это система средневекового поземельного владения, при которой земля (феод или лен) предоставлялась сеньором вассалу в обмен на обязательную военную или административную службу, но не является собственностью (в современном значении) ни одной из сторон. «Обмен взаимными клятвами и обещаниями мог сопровождаться пожалованием лена,— за этот лен вассал должен был нести рыцарскую или иную «благородную» службу. Ленное пожалование обычно заключалось в земельном владении. Но оно могло состоять в передаче права сбора доходов с земли без пожалования ее самой либо в праве сбора пошлин и поборов, судебных прав и доходов и т. д.» (Гуревич, 1972: 213).

«Образно» вступление в отношения личной зависимости оформлялось церемонией принесения оммажа, в ходе которой будущий вассал публично приносил сеньору присягу верности служения в обмен на покровительство и защиту. Содержательная сторона оммажа — инвеститура. По сути, это правовой акт введения во владение (точнее, совладение) либо феодем (землей), либо — в другом случае — введения духовного лица (епископа) в сан, инкорпорированный в вертикальную структуру церкви. В том же значении принесения оммажа в средневековом обществе понимали введение невесты в брачный союз, равно как и коронацию монарха — публичную церемонию введения его во властное служение и под покровительство Бога (клятва, помазание, инвеститура). Всё вместе и на всех уровнях — очевидное подчинение ближайших целей общему представлению о должном социальном порядке, скреплённом идеей верности служения.

В Новое время устремление к «общественному благополучию» основывалось на идее закономерного порядка, образец которого в Природе.

Моменты кульминаций

Периоды наибольшей консолидации образов при достижении их должного (желаемого) воплощения обычно переживаются обществом с удовлетворением и уверенностью в своей правоте, и они рождают чувство наконец-то достигнутого «конца истории». ¹

Так было, например, в эпоху установления принципата Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), с ее официальной идеей наступившего «золотого века» — «в образе счастливой эпохи благоденствия, природного изобилия, процветания Италии и всего подвластного Риму круга земель. «Нельзя не признать, что такой «идеальный ореол» оказал весьма существенное влияние на общественное сознание не только современников Августа, но и на многие последующие поколения римлян» (Чернышов, 2013: 129). В сознании римлян век Августа (*saeculum Augustum*) и золотой век (*saeculum aureum*) стали синонимами, и вместе — идеальным образом римского государства-империи.

Акме средневековой эпохи образовалось совокупностью целого ряда достижений, в числе которых восстановление докризисной (V века) плотности населения на территориях бывшей Римской империи, овладение всеми пригодными для хозяйственного использования землями (позже об этом скажут: «нет земли без сеньора»), обширные григорианские (XI век) реформы католической церкви, включая унификацию церковной службы во всех

¹ Об этой периодически возникавшей идее см. в *Новой философской энциклопедии* статью «Конец истории» (URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH754cab53b34c0953080a75>).

диоцезах и т.д.¹ Всё это вызывало огромное воодушевление людей, которое, в частности, подвигло их двинуться за тридевять земель, чтобы завершить устройство Божественного порядка на земле освобождением Гроба Господня от неверных.

Еще пример. Огромные достижения в науке и технике сформировало в массовом сознании людей европейской культуры на рубеже XIX–XX вв. исторический оптимизм, основанный на уверенности в силе науки и незыблемости научного и технического прогресса. Считалось, что наука представляет собой воплощение присущего человеку естественного и неутолимого стремления к познанию мира. А плоды ее позволяют усовершенствовать человеческую деятельность, способствуя укреплению научных основ жизни (от физического и духовного здоровья до научных основ построения общества). Такова была общая идея.

Институционально в XIX веке, этой идее отвечал университет — двигатель прогресса, способствующий научным открытиям и подготовке новых поколений исследователей. Образ такого университета особенно долго, до середины XX века сохранялся в США. «В молодости я превозносил до небес само понятие «университет». — вспоминал гарвардский профессор Ричард Пайпс. — Идеалом для меня был Берлинский университет первой половины XIX века, когда там преподавали такие светила, как философы Гегель, Фихте и Шопенгауэр, а также историки Ранке, Нибур и Моммзен и теолог Шлейермахер. Университет представлялся мне сообществом ученых, молодых и старых, всецело посвятивших себя науке и бескорыстно делящихся с другими своими знаниями и мудростью, — такой изображена «академия в Афинах» на картине Рафаэля. Карьеризму и зависти не было места в этом воображаемом мной университете» (Пайпс, 2005: 99).

Смены (кризисы) целеполагания

Нужно иметь в виду, однако, что достижение цели (торжество идеала, торжество чаемого порядка) несет с собой необратимые изменения в пространстве своего происхождения. Так что успешное целедостижение может породить новые потребности и более тяжелые проблемы.

Так, о судьбе древнегреческого полиса Э. Д. Фролов замечает, что «как это ни парадоксально, но в тот самый момент, когда важнейшие черты полисной системы достигают наиболее полной формы самовыражения, обнаруживаются

¹ Одно из самых известных наследий Григория Великого — укрепление римской литургии. Он придал единство обрядам, способствовал ясности в молитвах и установил нормы для празднования Мессы и песнопений литургии. Хотя он не изобретал григорианский распев, он продвигал и организовывал его, так что музыкальная традиция Западной Церкви была связана с его именем. Повсеместно распространенное унисонное григорианское пение отличалось спокойным ритмом, отсутствием инструментального сопровождения и использованием церковных ладов.

и первые признаки опасного соскальзывания за грань допустимого этой системой» (Фролов, 2001: 14).

Всё понятно:

Открыв перед греческими городами новые возможности для сбыта своей продукции и для приобретения сырья и рабочей силы (рабов-варваров), войны оплодотворили греческое ремесло и торговлю, равно как и некоторые товарные отрасли земледелия (производство вина и масла), всюду стимулируя рост крупного рабовладельческого хозяйства. (Фролов, 2001: 14–15)

Правила, которых веками строго придерживались граждане, были сметены успешным развитием греческих полисов, и с ними был утрачен баланс, позволявший полису оставаться независимой хозяйственной и социокультурной единицей.

Настроения, характерные для жителей римского полисного мира в «провале» между достигнутыми и новыми целями, прекрасно описал Михаил Гаспаров в статье, посвященной эпохе конца Республики: «Катулл жил в I в. до н. э. Рим всего лишь сто лет как стал великой державой, практическим хозяином всего Средиземноморья. В Рим стекалось богатство, за богатством следовал досуг, за досугом — тоска. У дедов катуллового поколения на тоску не оставалось времени: оно шло на военные походы, на возделывание полей, на управление делами общины — три занятия, которые только и считались достойными свободного гражданина. Теперь войну вели профессиональные солдаты, поля обрабатывали пленные рабы, а политика превращалась в борьбу за власть, в которой каждый чувствовал себя обиженным. Досуг приглашал задуматься: для чего всё это? — а задумываться римлянин не привык, и мысль его заносило на каждом повороте. Привычки отцов не годились, а новых привычек не было. Кто пытался думать, тот приходил к выводу об относительности всех ценностей: «что честно и что стыдно, не для всех таково, а считается таковым лишь по установлению предков», - писал Корнелий Непот, историк, приятель Катулла и адресат его тёплого посвящения (№ 1). А кто не пытались думать, те лишь метались, не зная, «откуда такая / Камнем гнетущая грудь, появилась страданий громада. /...Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно / К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим от гнёта. /...Так-то вот каждый бежит от себя и, понятно, не может / Прочь убежать: поневоле с собой остаётся в досаде.» Так писал другой сверстник Катулла, поэт-философ Лукреций (III, 1055–69), а за ним повторяли несчётные позднейшие поэты и прозаики» (Гаспаров, 1986: 158).

Новые цели римлян, выросшие из абсолютно новой ситуации, воплощали стремление и жителей, и властей осмыслить их общность в рамках огромного государства, где не действенны уже ни полисные горизонтальные (соседские) связи, ни несметное множество языческих богов — для разных нужд и случаев жизни.

Несколько веков колебаний и «большинством голосов» утвердилась новая схема: гражданский мир с одним императором (божественным) на земле и одним (христианским) властителем в небесах. Она утвердилась как цель, как представление о правильном социальном пространстве, сперва в Византии, позже и в Западной Европе. Этот период разочарования старым и изобретения нового образа социального пространства называют «кризисом Римской империи III–V вв.».

Так же и Ренессанс был переходной эпохой, завершившей Западное Средневековье, когда общая цель была достигнута и утратила привлекательность. То, что представлялось благом, стало казаться помехой. Когда-то средневековые города (места концентрации ремесла, торговли и обороны) возникали на земле феодала; другой не было. Теперь города обрели собственную мощь, сражались с феодалами за свою экономическую и политическую самостоятельность и завлекали крестьян освобождением от вассальной зависимости («воздух города делает свободным»).

«Перенацеливание» общества, разочарование в старом порядке и изобретение новых, адекватных новой исторической ситуации образов социального блага, поиски правильной социальной и властной структуры, обретение новых потребностей и целей сопровождалось с характерной для периода перехода общей растерянностью, тревожностью и экзальтированностью.¹

«Кризис нашего времени»²

Для значительной части современного человечества установилось согласие в том, что переживаемая сейчас эпоха — время переходное, значит кризисное. Это ощущение вызвано чрезвычайными политическими событиями — большой российско-украинской войной, попытками (иногда удачными) слома международных институций и, что еще важнее, симулятивное существование многих других.

Но признаки кризиса («заката Европы») в странах европейской культуры появились более века назад, еще до Первой («Великой») европейско-мировой войны 1914 года. Только многим казалось, что они — свидетели «ошибки истории», а не слома культуры. Впрочем, употребление термина «культура» было инспирировано как раз необходимостью назвать то, что фатально утрачивалось — образ социального пространства, привлекавший устремление

¹ Эти черты кризиса эпохи великолепно схвачены Йоханом Хейзингой в его «Осени Средневековья» (Хейзинга, 2008).

² «Кризис нашего времени» — характерное название книги Питирима Сорокина, вышедшей в 1941 году (Сорокин, 2018).

целого ряда поколений, для краткости сводимый к лозунгу «Свобода, Равенство, Братство».¹

В какой-то исторический момент общественная цель оказывается незаметно достигнутой, и сам этот факт меняет свойство пространства, в котором потребность, цель и инструментарий ее достижения были оформлены. Наука достигла предела, когда из дарительницы благ она стала превращаться в творительницу оружия массового уничтожения. Искусство, расцветавшее в Новое время как незаменимое средство познания человека, в какой-то момент стало терять к нему интерес. Зато стал быстро расти интерес к способности искусства удивлять и развлекать. Слово индивидуальность постепенно утратило смысловую связь с творческой свободой и сблизилось с представлением об одиночестве. Прогресс, вера в который смягчала моральные и физические страдания надеждой на лучшее будущее, «исчез с горизонта» ожиданий: неясно, что должно улучшиться, чтобы стало не так страшно или, скажем, не так неуютно жить в этом комфортабельном мире.

Как видим, не впервые в человеческой истории коллективное целеполагание и целедостижение оборачиваются эпохальной проблемой, которую нужно осмыслить, преобразовать в решаемые задачи и приступить к их решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bersani, L. (1974). Flaubert and Emma Bovary: The hazards of literary fusion. *NOVEL: A Forum on Fiction*, 8(1), 16–28.
- Berthod, O. (2016). Institutional theory of organizations. In A. Farazmand (Ed.), *Global encyclopedia of public administration, public policy, and governance* (pp. X–Y). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_63-1
- Bowler, P. (2015). The popularisation of science. In *European History Online (EGO)*. Leibniz Institute of European History (IEG). <http://www.ieg-ego.eu/bowlerp-2015-en>
- Machamer, P., Darden, L., & Craver, C. F. (2000). Thinking about mechanisms. *Philosophy of Science*, 67(1), 1–25.
- Parisot, E. (2024, September 25). The sorrows of young Werther at 250: Goethe’s dangerous romantic hero influenced fashion, fiction and Napoleon. *The Conversation*. <https://theconversation.com/the-sorrows-of-young-werther-at-250-goethes-dangerous-romantic-hero-influenced-fashion-fiction-and-napoleon-236799>
- Асафьев, Б. (1971). *Музыкальная форма как процесс*. Музыка.

¹ Социокультурному кризису рубежа XIX–XX вв. посвящена монография Татьяны Сидориной «Парадоксы кризисного сознания» (Сидорина, 2002).

- Ассман, Я. (1999). *Египет. Теология и благочестие ранней цивилизации*. Присцельс.
- Барг, М. А. (1987). *Эпохи и идеи*. Мысль.
- Баркова, А. (2024). *Введение в мифологию*. Лёд.
- Бартелеми, Д. (2012). *Рыцарство от Древней Германии до Франции XII века*. Евразия.
- Баткин, Л. М. (1989). *Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. Наука.
- Гаспаров, М. Л. (1986). Поэтика Катулла. В *Гай Валерий Катулл. Книга стихотворений* (с. 155–207). Наука.
- Гуревич, А. Я. (1972). *Категории средневековой культуры*. Искусство.
- Гуревич, А. Я. (2015). *Индивид и социум на средневековом Западе*. Центр гуманитарных инициатив.
- Дидро, Д. (1986). *Сочинения* (Т. 1). Мысль.
- Дьяконов, И. М. (2007). *Пути истории: От древнейшего человека до наших дней*. КомКнига.
- Ильин, Е. П. (2001). *Эмоции и чувства*. Питер.
- Каждан, А. П. (1968). *Византийская культура*. Наука.
- Кант, И. (1966). *Собрание сочинений в шести томах* (Т. 6). Мысль.
- Карсавин, Л. П. (1995). *Культура средних веков*. Символ.
- Кнабе, Г. С. (2006). *Избранные труды. Теория и история культуры*. РОССПЭН.
- Кондорсе, Ж. А. (1936). *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. Соцгиз.
- Корелин, М. С. (2005). *Падение античного мирозерцания*. Коло.
- Лановая, Г. М., & Правкина, И. Н. (2013). Механизм правового регулирования: Понятие и содержание. *Вестник Московского университета МВД России*, (8). <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-regulirovaniya-ponyatie-i-soderzhanie>
- Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. Политиздат.
- Леонтьев, А. Н. (1999). Воля. *Вопросы психологии*, (4), 5–14.
- Леонтьев, А. Н. (2009). Потребности, мотивы и эмоции. В Ю. Б. Гиппенрейтер (Ред.), *Психология мотивации и эмоций* (с. 57–59). АСТ. <https://coollib.cc/b/624092-yuliya-borisovna-gippenreyter-psihologiya-motivatsii-i-emotsiy/readp>
- Локк, Дж. (1985). Опыт о человеческом разумении. В *Локк Дж. Сочинения* (Т. 2). Мысль.
- Лотман, Ю. М. (2005). Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах киевского периода. В *О русской литературе* (с. 84–94). Искусство-СПб.
- Маккенни, Р. (2004). *XVI век. Европа. Экспансия и конфликт*. РОССПЭН.
- Мегрон, Л. (2019). *Романтизм и нравы*. Юрайт.
- Найдорф, М. (2017, 27 июня). Демиурги грядущего дня. *Независимая газета*. http://www.ng.ru/scenario/2017-06-27/9_7016_peace.html
- Найдорф, М. (2023). *Мир представлений*. Назарчук.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Начала.
- Ортега-и-Гассет, Х. (2000). *Избранные труды*. Весь мир.

- Пайпс, Р. (2005). *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. Московская школа политических исследований.
- Петров, М. К. (1987). Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли. *Вопросы истории естествознания и техники*, (3), 100–109.
http://www.situation.ru/app/j_art_739.htm
- Петровский, В. А. (1996). *Личность в психологии: Парадигма субъектности*. Феникс.
- Росс, Л., & Нисбетт, Р. (1999). *Человек и ситуация*. Аспект Пресс.
- Рутенбург, В. И. (1974). *Италия и Европа накануне Нового времени*. Наука.
- Свенсен, Л. (2003). *Философия скуки*. Прогресс-Традиция.
- Сеченов, И. М. (1952). *Рефлексы головного мозга*. Наука.
- Сидорина, Т. Ю. (2002). *Парадоксы кризисного сознания*. РГГУ.
- Сорокин, П. А. (2018). *Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты*. АНБУР.
- Сталь, Ж. де. (1989). Опыт о вымысле. В *О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями*. Искусство.
- Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера*. (1994). Наука.
- Фролов, Е. Д. (2001). *Греция в эпоху поздней классики*. Издательский центр «Гуманитарная академия».
- Хёйзинга, Й. (2008). *Осень Средневековья*. Прогресс-Пресс.
- Чернышов, Ю. (2013). *Древний Рим: Мечта о золотом веке*. Ломоносов.
https://loveread.ec/read_book.php?id=76019&p=1
- Швырев, В. С. (2003). *Рациональность как ценность культуры*. Прогресс-Традиция.
- Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории*. ИПЛ.